

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК [1+316]: 001

Н.А. Иванова

ГАБИТУС КАК СОВОКУПНОСТЬ ДИСПОЗИЦИЙ: ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЛИ ЦЕЛОСТНАЯ СИСТЕМА?

Выявляются общие трактовки понятия «диспозиция», сложившиеся в философской, гуманитарной и социальной традициях и оказавшиеся наиболее устойчивыми и перспективными. Решается вопрос о возможности рассматривать габитус как иерархическую структуру или целостное единство диспозиций. Автор делает вывод о том, что структурный и иерархический подход есть инвариантный аспект анализа габитуса как целостной системы диспозиций.

Ключевые слова: габитус, диспозиции, система, структура, иерархия.

Основной тезис социальной эпистемологии гласит, что адекватное понимание любого типа познания невозможно без выявления его социальных корней. Решение же проблемы социальной детерминации познавательных способностей предполагает выявление механизмов социальной обусловленности познавательного процесса, а также объяснение определенной автономии различных форм познавательной деятельности. Одним из вариантов решения указанных задач применительно к науке является, как известно, нормативная концепция Р. Мертона, согласно которой наука представляет собой социальный институт, а следовательно, обладает специфической системой отношений, ценностей и норм поведения. Сформулировав проблему «Каким образом сообщество ученых может гарантировать целостность, если ученые, расходясь в пространстве, работают в различном организационном и социокультурном окружении?», при ответе Мертон выдвинул два предположения. В соответствии с первым, целостность научного сообщества задается общей целью – постоянным ростом признанного в качестве достоверного научного знания. Во-вторых, Мертон предположил существование набора правил и норм, получивших название этоса науки. Теория, развитая Мертоном, оценивается как разновидность так называемого функционализма, согласно которому коллективные ценности и нормы образуют фундамент общественной жизни. Наиболее ярким представителем функционализма является Толкот Парсонс, который наряду с социальной системой выделял систему личности, контролируемую первой. Под личностью он понимал организованную систему, важнейшим элементом которой выступает «потребностная диспозиция», которая, в свою очередь, есть важнейшее условие мотивации к действию [1. С. 127]. Потребностные диспозиции Парсонс отличал от побуждений, представляющих собой врожденную психологическую энергию. И если побуждения являются частью биологического организма, то диспозиции приобретаются в процессе действия и формируются социальным окружением. Понятие

«диспозиция» заимствовано Парсонсом из психологической традиции, где оно обозначает «устойчивые личностные детерминанты поведения и деятельности, природного и социального характера, в отличие от внешних переменных и ситуационных факторов» [2. С. 60)]. Имея латинское происхождение, понятие «диспозиция» коннотирует с достаточно устойчивой предрасположенностью личности к определенному характеру и последовательности поведенческих актов, а в гуманитарной науке часто корреспондирует с термином «установка». Значительный вклад в разработку данного концепта внесли немецкий философ и психолог Вильям Штерн и американский исследователь Гордон Олпорт.

Как отмечает И.С. Вдовина, «критический персонализм» В. Штерна, «этический персонализм» М. Шелера и «теологическая этика» П. Тиллихе выступили основой персоналистической тенденции в немецкой философской традиции [3. С. 223]. В. Штерн на рубеже XIX–XX вв. предложил новую ориентацию в теории и практике гуманитарной науки – персоналистическую. Основная интенция данного направления – анализ целого в отличие от исследования «элементов». Он писал: «Личностные свойства нельзя разделить на противоположные друг другу психические и физические свойства. Если мы определим личность как самоопределяющуюся, целенаправленно и сознательно действующую целостность, обладающую определенной глубиной, то это относится не к содержанию сознания или к телесным функциям самим по себе, но ко всему исходно нерасчлененному целому, в котором «психическое» и «физическое» являются подчиненными целому» [4. С. 671]. И добавляет, что деление на «физическое» и «психическое» характерно для научного подхода и есть вторичная искусственная процедура. Под целым Штерн понимает наличие структуры или упорядоченное расчленение. При этом личность возникает не путем суммирования элементов, а складывается из моментов изначально несамостоятельных. Он замечает, что понятие «структура» не вполне адекватно передает всю взаимосвязанность личности, которая выступает единственно подлинной субстанцией и единственно действительно целым. Диалектика проявляется в соотношении целой личности с ее «моментами», когда последние, выделяясь из личностной цельности, одновременно оказываются включенными в нее. В вопросе об отношении личности и мира Штерн полагает, что теория конвергенции противостоит двум противоположным точкам зрения, когда, с одной стороны, бытие личности трактуется как однозначно предопределяемое самой личностью, а с другой – когда абсолютизируется внешнее влияние. Теория конвергенции преодолевает обе эти крайности и утверждает единство внешних влияний и внутренних стремлений. Внутренние потенции личности Штерн называет диспозициями и утверждает, что в начале жизни они обладают многозначной неопределенностью, но в процессе постоянной конвергенции с миром становятся все более однозначными. «Диспозиции – не самостоятельные и отделенные друг от друга «возможности», но часть излучаемой единой энтелехии целого, и поэтому они тесно связаны разнообразнейшими способами и слиты друг с другом» [4. С. 675–676]. Любая диспозиция одновременно представлена как способность и направленность, и может быть представлена как диспозиция «средств» или диспозиция «отношений» в зависимости от преобладающего

момента. Конвергентным процессам Штерн противопоставляет ситуацию конфликта. Если первые направляют жизненные процессы, то конфликты пробуждают переживания. Если конвергенция обеспечивает беспрепятственное взаимодействие с окружающим миром, спокойное и привычное течение жизни без необходимости внутренней рефлексии, то конфликт проявляется во внутренней или внешней неопределенности и «высекает искру сознания». Однако рефлексии подвергается не вся жизнь, а те ее стороны, которые связаны с борьбой, так как сознание возникает из конфликта, затрудняющего конвергенцию, т.е. привычный ход вещей.

Испытав значительное влияние персонологии В. Штерна и стоя у истоков теории черт и гуманистической психологии, Г. Олпорт создал междисциплинарное направление, синтезировав философский, антропологический, психологический и социологический подходы. Он осуществил сравнительный анализ двух традиций - Локка и Лейбница – и выявил их влияние на современную психологию. Согласно первой традиции сознание индивида есть пассивная субстанция, следовательно, внешние воздействия важнее внутренних причин, а малое более фундаментально, чем большое. Последнее означает, что личность предстает как иерархия свойств, где уровню элементарных навыков уделяется гораздо большее внимание, чем верхнему. В современной психологии подобный подход отстаивает позитивистская и аналитическая концепции человека. Традиция Лейбница утверждает, что человек есть источник действия, его интеллект постоянно осуществляет внутреннюю работу, соответствующую собственной природе. Заслуга экзистенциализма, согласно Олпорту, состоит в том, что, не давая однозначного ответа на вопрос о природе человека, он актуализирует проблему детерминизма и свободы, в то время как детерминизм утверждает, что мир структурирован и упорядочен, экзистенциализм отстаивает точку зрения субъекта – сущность мира состоит в действующих субъектах. Что касается персоналистического подхода, который отстаивает сам американский исследователь, то его основной тезис гласит: взаимодействие психологических процессов невозможно объяснить без координирующего понятия «личность», которое выступает не совокупностью реагирующих фрагментов, а как целенаправленное и развивающееся единство. «Тайна человека будет раскрыта не путем редуцирующего анализа его существования, а только путем целостного рассмотрения хода его становления» [5. С. 447].

Поставив в гуманитарной науке проблему общего и индивидуального в результате критики дилеммы идеографического и номотетического подходов, Олпорт настаивал на индивидуальной уникальности отдельной личности и выдвинул вопрос о ее структурной организации, используя при этом понятия «черта» или «диспозиция». Черта не тождественна эмпирически наблюдаемому поведению или статистически фиксируемой закономерности, а представляет собой определенную специфическую для индивида систему, «предрасположенность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» [6. С. 274]. Понятие «диспозиция» характерно для более поздних работ и обусловлено пониманием того, что термин «черта» слишком нагружен обыденным значением. В результате Олпорт вводит различие между личностными диспозициями и общими чертами, которое считает принципиальным

в методологическом плане. Общие черты в форме универсальных признаков позволяют сравнивать людей, констатируют некоторую последовательность в поведении, однако не позволяют выявить механизм изменчивости и стабильность поведения. Личностные диспозиции образуют индивидуальное своеобразие индивида, позволяют говорить о причинах наблюдаемой устойчивости и тем самым позволяют наиболее полно и адекватно описать данного человека. Наиболее адекватной трактовкой личности Олпорт считает рассмотрение ее как открытой системы, т.е. целостной функционирующей структуры, включающей в себя одновременно два момента – существование и становление. Отмечая, что господствующие в американской психологии подходы (бихевиоризм, психоанализ, ассоцианизм) не оставляют места идеям цельности и активности, Олпорт определил личность как динамическую организацию психофизиологических систем, обуславливающую присущее индивиду мышление и поведение. Утверждая, что личность представляет собой единое целое, а не набор не связанных между собой диспозиций, Олпорт ввел понятие «проприум» или «самость» как некоторой объединяющей и организующей силы. Личность, понимаемая как открытая система, характеризуется следующими критериями. Во-первых, она одновременно есть поглощение и выделение энергии, результат процессов интериоризации и экстериоризации. Во-вторых, она предстает как достижение и поддержание (результат и условие) устойчивого состояния. В-третьих, со временем в результате увеличения сложности в ней возрастает упорядоченность. В-четвертых, личность характеризуется экстенсивным взаимодействием с окружением. В целом значительный вклад работ Гордона Олпорта заключается в том, что современные персонологи в качестве важных детерминант личности признают как диспозиционные, так и ситуационные переменные. При этом первые хотя и могут быть аналитически изучены в качестве отдельных «элементов», в действительности не объясняют результирующей функциональности структуры, которая требует обращения к целостной сущности.

В отечественной традиции термин «диспозиция» использует В.А. Ядов для обозначения осознанной готовности личности к оценкам ситуации и поведению, которые обусловлены предшествующим опытом личности. Разработанная В.А. Ядовым диспозиционная концепция представляет собой попытку разрешить выявленное в эмпирических исследованиях противоречие, получившее название «парадокса Лапьера». Последний есть результат проведенного в США эксперимента, зафиксировавшего различия в уровнях обслуживания неамериканских граждан как следствие рассогласования между социальными установками и фактическим поведением индивида. Отечественного исследователя в первую очередь интересует проблема регуляции и саморегуляции социального поведения личности, а именно «взаимосвязи конкретных социальных условий деятельности индивида и его субъективного отношения к ним в виде состояний предрасположенностей (диспозиций) к оценке и поведению в данных условиях с учетом структуры диспозиций, их зависимости от предшествующего опыта и обобщенных психологических особенностей субъекта» [7. С. 12]. Ядов выявляет две противостоящие друг другу стратегии в исследовании проблемы саморегуляции поведения – ценностно-нормативный и социально-установочный подходы. Первый опирает-

ся, с одной стороны, на разработки советских психологов, с другой – на философское понятие «ценности», и направлен на выявление общих социальных детерминант поведения. Вторым характерен для западноевропейской традиции и отмечен экспериментальной направленностью. Эвристически ценными в отечественной традиции В.А. Ядов считает ряд положений концепций В.Н. Мясищева, а именно, идею опосредованного и избирательного характера связи личности с социальным окружением, а также положение о том, что отношение личности может быть представлено системой, структура которой зависит от степени общности связей субъекта с действительностью. Сам В.А. Ядов полагает, что прямое отношение к формированию разрабатываемой им диспозиционной теории имеют работы А.Н. Леонтьева, где понятия «ценности», «отношения», «диспозиции» и «социально фиксированные установки» отражают факт «пристрастности человеческого сознания» [7. С. 15]. В качестве наиболее перспективного направления западной традиции Ядов указывает на подход М. Рокича, содержащий гипотезу о существовании сложной ценностно-аттитюдной структуры. Задавая вопрос, образуют ли диспозиции систему или структуру, возможно ли выделение уровней и взаимосвязей, В.А. Ядов полагает, что система диспозиций, являясь продуктом потребностей и ситуаций, образует иерархию, представленную следующими уровнями. Низший уровень образуют элементарные фиксированные установки, неосознаваемые и лишённые модальностей. Второй уровень в отличие от первого более сложен и в соответствии с подходом М. Рокича включает «объектные» и «ситуационные» социальные установки. Следующий уровень образует общая направленность интересов личности в определенной социальной сфере (профессиональной, семейной, досуговой и других). Высший уровень представлен ценностными ориентациями, которые, в свою очередь, также могут быть структурированы на цели жизнедеятельности и средства их достижения [7. С. 22–23]. Указывая на существование иных классификаций ценностей, Ядов приходит к эмпирически фиксируемому выводу, что: «а) имеет место определенное разделение целевых и инструментальных аспектов в системе ценностных ориентаций, причем б) ценности-цели более стабильны, чем ценности-средства, и, кроме того, в) отражают большее единодушие обследуемых, тогда как в инструментальных отражается заметная индивидуализация (или неопределенность) ценностных структур [7. С. 52]. В аспекте генезиса важнейшим фактором формирования высшего диспозиционного уровня, по мнению В.А. Ядова, выступает образ жизни личности. В целом же основное положение разработанной им диспозиционной концепции заключается в том, что деятельностью субъекта управляют не отдельные установки, а вся диспозиционная система в целом, которая выполняет регулятивную функцию, и при этом может рассматриваться как иерархическая структура, включающая в себя более высокие и более низкие уровни. Основанием иерархии могут выступать направленность интересов и ценностные ориентиры личности, а также включенность личности в разные сферы социальной деятельности (семья, профессиональная деятельность, досуг, быт).

Подводя промежуточный итог, хотелось бы отметить, что в то время, как социальная теория в лице функционализма, а гуманитарная традиция в форме позитивистского подхода были подвергнуты критике за антиисторичность и

абсолютизацию социального порядка, т.е. неспособность динамического, творческого понимания процесса социальных и личностных изменений, а также трактовку субъекта как пассивного элемента социальной системы, интерес к субъекту и механизмам его интеграции в социальные структуры стал характерен для современной гуманитарной науки, а также новых социальных теорий. К основным разновидностям решения проблемы агент-структурной интеграции в социальной науке можно отнести подходы, разрабатываемые Энтони Гидденсом и Пьером Бурдьё, а также Юргеном Хабермасом. Согласно структурационной теории Э. Гидденса структура включена в агента, а агенты вовлечены в структуры. При этом структура не только выполняет функции принуждения и сдерживания, но предоставляет возможности. Так, Э. Гидденс пишет: «Теория структуриации утверждает, что структура всегда как ограничивает, так и создает возможности для действия» [8. С. 247]. При этом «структура рассматривается как свойство социальных систем, заключенное в «практиках», регулярно воспроизводимых в пространстве и времени» [8. С. 248]. Что же касается агентов, то они в концепции Гидденса предстают как активные и креативные «телесные существа», включенные в непрерывный поведенческий процесс.

В соответствии с позицией одного из главных представителей современной французской социальной теории Пьера Бурдьё общество – это динамическая совокупность наблюдаемых способов действия индивидов и коллективов, т.е. практик. Последние представляют собой нечто среднее между реализацией социальных правил и их индивидуальной импровизацией. В практиках находит выражение «габитус» – «система прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной направленности на эти результаты и не требуют особого мастерства» [9. С. 108]. Следует отметить, что понятие габитуса как основного элемента разрабатываемой Бурдьё теории практики неоднократно подвергалось критике за недостаточную проработанность.

В отечественной науке попытки тематизации понятия «габитус» представлены в работах Н.А. Шматко. Она полагает, что понятие «габитус» указывает на единство практики и блага либо единичного агента, либо социальной группы. Будучи дифференцированными, габитусы выполняют функцию различения, а также функцию посредника между социальной структурой и субъектом, так как его концептуальной основой выступает идея двойного структурирования, согласно которой «социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым воспроизводят и/или преобразуют структуры» [10]. В генетическом аспекте габитус может быть исследован как первичный и вторичный, в социологическом – его можно рассматривать как групповой или классовый. В первом отношении это означает, что процесс формирования габитуса осуществляется в несколько этапов, т.е. предстает как генетически упорядоченная последовательность. И если первичный габитус складывается в семье и образует основу восприятия и усвоения на первом этапе, то вторичный есть резуль-

тат последующего процесса социализации. Синхронный аспект рассмотрения габитуса означает, что структура субъективного структурирования отражает структуры объективного структурирования. Таким образом «объективные структуры являются условиями и предпосылками осуществления субъективных практик» [10]. Однако условием реализации практик является необходимость их интериоризации и инкорпорирования в форме габитуса субъектами. Что касается инкорпорирования, то оно проявляется в деталях поведения, манерах речи, уходе за собой, т.е. социальные практики находят воплощение в теле субъекта. Габитус может быть проанализирован как совокупность диспозиций – система восприятия, мышления, оценивания, выражения и действия. Однако анализ габитуса не предполагает использования принципа редукционизма, т.е. его сведения к «атомарным» единицам, а должен быть представлен как целостное явление и подвижное единство. При этом габитус характеризуется эффектом гистерезиса или запаздывания, обеспечивающего преемственность и проявляющегося в том, что субъект, занимая новую позицию, некоторое время сохраняет прежние практики, продуктом которых он является, даже несмотря на то, что «прошлые» практики оказываются объективно не приспособленными к условиям настоящего. В отношении свободы и детерминизма Шматко вслед за Бурдье полагает, что габитус не создает что-либо новое и непредвиденное, а также не представляет собой простого механического воспроизводства заранее заданного. Именно поэтому ему присуща неопределенность и открытость. Габитус одновременно содержит в себе сознательное и бессознательное. Бессознательное проявляется, во-первых, в самом его генезисе, когда бессознательно усваиваются инкорпорированные схемы, ставшие телом. Во-вторых, тот факт, что социальные практики воспроизводятся без участия сознания или «автоматически», позволяет говорить о «практической логике», присущей габитусу. Переход от практической логики к символической связан с необходимостью перевода практических схем в представлениях субъекта о своих практиках к теории, которую конструируют, чтобы понять саму практику, что актуализирует проблему «следования правилу». Единичность габитуса обусловлена множеством комбинаций социальной траектории субъекта, однако эта комбинация не бесконечна, а уникальность относительна. Субъекты могут быть объединены статистически в «группы по траекториям», отражающие гомологию социальных условий становления габитусов, согласно которой индивидуальные габитусы есть вариации габитуса группового, частный случай социальной траектории группы. В целом, заключает Н.А. Шматко, «коллективные практики обязаны своей связанностью и единством эффекту габитуса» [10].

Еще одним подходом в отечественной традиции является концепция Г.Б. Гутнера, в которой первостепенное значение придается коммуникации, т.е. процессам производства и потребления знания, и проводится различие между двумя ее основными формами: рефлексивной и габитуальной [11]. В исследованиях Гутнера отсутствует интерпретация габитуса как системы диспозиций, для него «габитус» предстает как система форм коммуникаций, которая может носить как рефлексивный, так и габитуальный, образцовый характер вне необходимости его рациональной экспликации. Общим контекстом обращения Гутнера к понятию габитуса является проблема понимания,

отсылающая, в свою очередь, к проблеме следования правилу. И.Т. Касавин, опираясь на подход, разработанный Гутнером, и анализируя нестандартные познавательные ситуации, различает такие типы междисциплинарных исследований, как рефлексивная эксплуатация габитуса, ситуации, когда рефлексия выступает против сложившегося габитуса, и, наконец, рефлексивный перенос габитуса [12. С. 66]. Пример междисциплинарных взаимодействий первого типа можно обнаружить в античности и Средневековье, когда он приобретает форму, выраженную известным тезисом: «Философия – служанка теологии». Второй тип как частный случай представлен спором о колдовстве, где позиция католической церкви отражала традиционный габитус, а зарождающаяся наука осуществляла его критическую рефлексивную. Примером рефлексивного переноса габитуса служит заимствование аппарата одной дисциплины (например, математики, гидродинамики) для развития других областей научного знания. Рассуждая об особенностях познавательного процесса, И.Т. Касавин делает вывод, что современная эпистемология и философия науки, актуализируя традиционные проблемы и мобилизуя концептуальный аппарат современных наук, позволяет более полно раскрыть особенности процессов производства и потребления знания.

Что касается западной традиции, то она условно может быть представлена адептами и критиками подхода, предложенного Пьером Бурдьё. Так, его ученица Жизель Сапиро, опираясь на теорию поля и эмпирические исследования французской литературы первой половины XX в., описывает структуру поля литературы как пересечение двух оппозиций. С одной стороны – оппозиции «господствующих» и «подчиненных», с другой – «автономии» и «гетерономии». В результате она выделяет четыре идеально-типические позиции: «нотабли», «эстететы», «авангардисты», «массовые» писатели [13. С. 130]. Стоит отметить, что выбор в качестве объекта исследования и эмпирической проверки подхода, предложенного Бурдьё, поля литературы обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, генезис понятий «поле» и «габитуса» связан с исследованиями самого Бурдьё литературы и искусства, во-вторых, национальной спецификой Франции, как известно, наиболее престижной социальной сферой для французских интеллектуалов является не область науки, а литературы. Так как теория поля Бурдьё утверждает существование гомологии между пространством позиции и габитусом агента, то применительно к данному исследованию это означает, что представления о литературе, особенности дискурса и его критическая направленность, формы социализации и политической ангажированности будут меняться в зависимости от положения субъектов в структуре литературного поля.

Как показывают результаты исследований Сапиро, на полюсе «господствующих» в первой половине XX в. находились, с одной стороны, обладатели капитала институционального (успешность продаж, наличие литературных премий, членство в академиях, высокие посты и другое) – «нотабли», с другой, капитала символического – «эстететы». Сторона первых представлена такими авторами, как Анри Бордо и Поль Бурже, согласно которым литература выполняет педагогическую функцию и представляет собой инструмент воспроизведения социальных «элит». Пространством социализации здесь выступают светские салоны, сближающие носителей экономического, поли-

тического и культурного капитала. Их позиции как членов Академии отражаются в крупных изданиях, а их политическая ангажированность находит косвенное выражение в занятиях попечительством, членством в благотворительных организациях или напрямую в партийной принадлежности. Обладатели символического капитала («эстеты») выступают против морализаторства в сфере искусства, утверждая приоритет «хорошего вкуса», «таланта» и «оригинальности». Формой социального приобщения в этом случае являются частные дружеские сообщества (например, знаменитый чердак у Гонкуров), что способствует персонализации социальных связей. Главной институцией, обеспечивающей им признание, является литературный журнал, который нередко финансируется благодаря личному состоянию одного из участников. Текущие события и политика выступают источником вдохновения для эстетов, наиболее влиятельные из которых стремятся дистанцироваться от власти, оберегая свою независимость. На полюсе «подчиненных» располагаются «авангардисты» и «массовые» писатели. Последние, не обладая культурным ресурсом, являются авторами популярной литературы, публикуемой часто в форме «романа с продолжением». Преобладающим для них является корпоративный тип объединения. Что касается «авангардистов», то они выдвигают на первый план подрывную функцию литературы, и их тексты часто предстают в виде манифеста. Авангардное движение нередко принимает форму политического радикализма, однако требование автономии искусства не менее часто приводит к разрыву с революционными направлениями.

Сапиро отмечает, что согласно теории Бурдьё одним из значительных факторов динамики поля является борьба между «господствующими» и «подчиненными», которая реализуется с помощью различных стратегий. В поле литературы стратегия разрыва, характерная для подчиненных, принимает форму борьбы против академизма, консерватизма и ортодоксии. При этом разные типы господствующих используют разные приемы: если авангардисты обвиняют как «эстетов», так и «нотаблей» в забвении своего призвания, апеллируя к какой-либо «знаковой» фигуре, то «массовые» писатели, требуя обновления художественных форм, акцентируются на самих авторах (их биографии, нравственных принципах, содержании произведений). И обвиняют представителей «нотаблей» в конформизме, а «эстетов» в снобизме. Стратегия сохранения «господствующих», вызванная ощущением угрозы своему привилегированному положению, в свою очередь, зависит от адресата и особенностей группы «доминируемых». Так, «нотабли» видят в авангардистах опасных «террористов», нарушающих привила «хорошего вкуса», а писателей, лишенных символического и институционального капитала обвиняют в потакании низменным инстинктам, отсутствии самообладания и выдержки. В период же, отмеченный утратой автономии поля, борьба внутри гетерономной и автономной оппозицией одерживает верх над противостоянием господствующих и подчиненных. Из проведенного исследования Ж. Сапиро делает вывод, что разработанная Бурдьё теория носит универсальный характер. Однако ее применение возможно при двух условиях: когда объединяются все элементы, необходимые для автономизации рассматриваемого поля, а также когда эмпирическое изучение поля учитывает исторический контекст [13. С. 142].

Как и Ж. Сапиро, Л. Пенто является сотрудником «Центра европейской социологии», возглавляемого Пьером Бурдьё, и в своих исследованиях напрямую касается проблемы репродуцирования интеллектуальных институтов. Как и П. Бурдьё, Л. Пенто противопоставляет собственный критический анализ традиционному академизму, согласно которому научная мысль нейтральна и независима, а также разного рода «инструменталистским подходам» (технократическому и радикальному). В частности, он ставит задачу рассмотреть интеллектуальные отношения между государством и социальными науками, абстрагируясь от аспектов экономического, институционального и политического характера, и доказывает, что «государство способствует, и не только через порождаемый им спрос, структурированию концептов, проблем и представлений, возникающих в голове у исследователя, подчиняя их своим собственным целям и действиям» [14. С. 100]. В соответствии с властными задачами одни науки выполняют функцию классификации и упорядочивания, другие – прогнозирования или предвидения, а третьи – легитимации действия или бездействия.

Критика концепта «габитус» в ее конструктивной форме представлена работами Ж. Бувресса и Ф. Коркюфа. Первый отмечает, что обращение Бурдьё к «диспозиции», «стратегии» и «габитусу» вызвано трудностью, возникающей при необходимости различать действия и принципы, которые лежат либо вне субъекта, либо заключены в нем самом. Будучи специалистом по философии Л. Витгенштейна, Ж. Бувресс утверждает, что вслед за представителем аналитической философии в целях разоблачения так называемой мифологии правил Бурдьё выделяет следующие трактовки понятия «правило». Во-первых, правило как принцип юридического характера, сознательно сформулированный и усвоенный субъектами. Во-вторых, правило как совокупность объективных регулярностей. И наконец, правило как принцип, созданный с целью понять регулярное социальное поведение. Именно смешение данных трактовок приводит к тому, что «принципом практики агента становится теория, которую необходимо сконструировать для ее понимания», цитирует он Бурдьё [15]. Применительно к габитусу это означает, что он может усваиваться разными способами: путем формулирования и эксплицитного усвоения, а также с помощью практического усвоения поведения, без знания правил, а также посредством ситуации внешнего наблюдения (попытка создания предположения о существующих правилах). Это означает, что трактовка Бурдьё габитуса как практического чувства может сочетаться с теоретическим знанием правил, что не исключает ситуаций, когда правила не могут быть сформулированы или реконструированы, а приобретаются исключительно в практике. Одновременно габитус позволяет описать практики, которые не являются ни высказыванием закономерностей, ни простой регистрацией эксплицитных норм, а одновременно интегрируют и то, и другое. Таким образом, понятие «габитус» указывает на такую форму социального действия, которую невозможно объяснить ни с помощью каузальных механизмов, ни ссылкой на правило, согласно которому субъекты осознанно реализуют свое поведение. И в этом контексте габитус выступает регулируемой диспозицией, порождающей регулярности, вне обращения к правилам. Сам Бурдьё подчеркивает творческий характер практик, управляемых габитусом.

Однако такая «творческая», активная, изобретательная способность – это способность не трансцендентального субъекта идеалистической традиции, но действующего агента» [16. С. 23]. Творческий аспект габитуса проявляется в том, что Хомский называет «креативным употреблением» – «способность использовать надлежащим образом, бесконечное число различных и в большинстве своем новых предложений в новых ситуациях» [15]. Присутствие в габитусе инновации и импровизации проявляется в том, что габитус предполагает значительное пространство неопределенности, так как диспозиции направляют действие, но не детерминируют его.

Ссылаясь на работы К. Кауфмана и Б. Лаира, Ф. Коркюф рассматривает попытки переработать понятие «диспозиции» в двух аспектах: выявить условия инкорпорирования диспозиций индивидом, а также указать причины выборочной активации диспозиций в различных ситуациях повседневности. В частности, социолога и писателя Клода Кауфмана в большей мере интересуют не абстрактные социальные группы, а ситуации «лицом-к-лицу». Его исследование сфокусировано на самых важных моментах во взаимодействиях индивидов, и основано на точных и детальных описаниях свидетелей, помогающих выявить цели и намерения поступков действующих субъектов. По мнению Коркюфа, обращение к понятию «габитус» позволяет актуализировать проблему отношения единичного и коллективного. Он выделяет две трактовки понятия «габитус» – понимание габитуса как коллективного, характерное для большей части исследований Бурдьё и его последователей, а также интерпретация габитуса как единство коллективного и индивидуального (индивидуализация коллективных схем), в теоретической форме присутствующая в работе «Практический смысл». В эмпирическом аспекте проблематика коллективной единичности представлена в таких работах Бурдьё, как «Метод искусства», посвященная «случаю Флобера», ряд высказываний в «Нищете мира», а также в «Политической онтологии Мартина Хайдеггера». Так, предпринятый Бурдьё анализ творчества Хайдеггера представляет собой новый путь прочтения философских произведений – не чисто внутренний (философский) и не чисто внешний (политический). Анализируя «политическую онтологию Хайдеггера», Бурдьё пытается связать два подхода, воссоздавая политико-интеллектуальную обстановку, в которой сформировалась философия Хайдеггера, и выявляя связь между коллективными феноменами в виде «консервативно-революционных» настроений и индивидуальными особенностями (редкая социальная траектория Хайдеггера от преподавателя мелкой сельской буржуазии до университетского профессора). Бурдьё оценивает ее как «превращенное и сублимированное выражение амбивалентных чувств по отношению к интеллектуальному миру» [17. С. 264]. В отношении к единичному «габитус» он позволяет утверждать, что «индивидуальная единичность питается ограничениями и ресурсами коллективного» и одновременно предстает как «уникальная в каждом отдельном случае конфигурация социальных сформированных схем, которую интериоризирует индивид, структурирует целостность и постоянство его личности» [17. С. 266].

В заключение необходимо прояснить нашу позицию в отношении вынесенного в название статьи вопроса. Габитус как совокупность диспозиций предстает в первую очередь как система, что, во-первых, означает его *цело-*

стность, т.е. принципиальную несводимость к составляющим элементам, в частности к когнитивному или социальному аспектам. Другими словами, габитус есть единство восприятий, представлений, мышления, стратегий поведения и способов оценивания, без редуцирования к отдельному его элементу. Во-вторых, габитусу как системе присуща *структурность*, которая рассматривается как инвариантная характеристика системы, означающая совокупность устойчивых связей и отношений, обеспечивающих сохранение основных свойств системы при различных внешних и внутренних изменениях. В этом отношении габитус позволяет осмыслить стабилизацию, которая выступает конечным и одновременно исходным пунктом и никогда не бывает окончательной, постоянно прибывая в движении. Габитус позволяет выявить предварительную работу по установлению эквивалентностей между гетерогенными факторами, обеспечивающую их совместное функционирование. В-третьих, габитусу присуща *взаимозависимость* от внешней среды, в которой он формируется и одновременно выступает ведущим и активным компонентом структурирования. В данном отношении габитус является механизмом, посредством которого субъекты, обобщая и инструментализируя свои действия, образуют структуры и, наоборот, благодаря которому целостность деконструируется и дифференцируется. Рассмотрение габитуса как системы позволяет интерпретировать его роль как творчески-активную или генеративно-агентную, а не однозначно зависимую и производную (подчинительно-конструируемую). В-четвертых, *иерархичность системы* означает возможность рассматривать элементы системы как подсистемы, но только как аналитическую схему, продиктованную задачами исследования. Это означает, что когнитивные, лингвистические, стратегические и моральные аспекты могут быть подвергнуты самостоятельному анализу при условии признания их зависимости от порождающего начала, т.е. габитуса как целостной системы. И, наконец, описание габитуса предполагает *множественность* его форм. Здесь, как нам представляется, примером может служить тематизация проблемы единичного и коллективного в трактовке габитуса.

Литература

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2004. 509 с.
3. Вдовина И.С. Персонализм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 222–224.
4. История психологии. XX век / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 4-е изд. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 669–684.
5. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л.В. Трубициной и Д.А. Леонтьевой; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 462 с.
6. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2007. 607 с.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова, Л.: Наука, 1979. 264 с.
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
9. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
10. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Т. 1, №2. С. 60–70. - URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-na-gabitus-v-strukture-sociologicheskoy-teorii> (дата обращения: 12.04.2012).

11. Гутнер Г.Б. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М., 2008. 248 с.
12. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. №4. С. 61–73.
13. Сапиро Ж. Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. №5. С. 126–143.
14. Пэнто Л. Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии». 2004. №5. С. 99–114.
15. Бувресс Ж. Правила, диспозиции и габитус // Sociologos, 2009, №6. – URL: <http://sociologos.net/textes/bouveresse.htm> (дата обращения: 25.12.2010).
16. Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
17. Коркюф Ф. Коллективное в споре с единичным: отталкиваясь от габитуса // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Российской академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 250–281.